

J.E. LENDON. Soldiers and Ghosts. A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven–London: Yale University Press, 2005. 468 p., 31 ill., 10 maps

Первая монография известного американского историка из Университета Вирджинии Джона Лендона, посвященная военному делу античности, называется «Воины и призраки»¹. Книга обладает четкой продуманной структурой: она начинается «Прологом» (с. 1–4) и «Введением» (с. 5–13), затем идет основная часть, которая делится на два практически равных раздела: «Греки» (с. 15–161) и «Римляне» (с. 163–315), а завершается вспомогательными частями: хронологической таблицей греческой и римской военной истории (с. 321–330), списком сокращений (с. 331–333), обширными примечаниями (с. 335–387), небольшим, но полезным глоссарием военных терминов (с. 389–392), аннотированным списком литературы, главным образом англоязычной, располагаемой в соответствии с содержанием книги, а не по алфавиту, с очень емкими дискуссионными замечаниями автора (с. 393–440), а также индексом имен собственных, географических названий и военных терминов (с. 441–468).

В коротком «Прологе» автор, приближая повествование к современному (в первую очередь американскому) читателю, рассказывает о новейших ритуалах войны, в частности о традиции американской морской пехоты забирать с собой тела погибших товарищей. От наших дней автор перебрасывает мостик к античной Греции, где забота о погибших также была важнейшей стороной войны. Во «Введении» Дж. Лендон уже конкретно ставит задачу работы: исследовать механизмы технологического прогресса в древнем сухопутном военном деле, который шел очень медленно, и воин, снабженный оружием V в. до н.э., вполне мог участвовать в битвах V в. н.э., – за это время изменений произошло меньше, чем за период с 1910 по 1950 г. (с. 8–9). Вместе с тем древние осознавали ход прогресса, но особенностью их менталитета было стремление использовать старые испытанные методы и средства, что является разительным отличием от современности (с. 11).

По традиции, существовавшей еще в XIX в., автор начинает свое повествование не с крито-микенской, а с гомеровской Греции (с. 20–37). Дж. Лендон описывает способы сражения героев «Илиады», базируясь главным образом на работах голландского антиковеда Х. ван Вееса, но при этом делая акцент на агональном духе сражающихся. Рассматривая общество, запечатленное в «Илиаде», автор полагает, что в основе его лежало представление поэтов о далеком прошлом с элементами микенского прошлого (с. 21), хотя можно было бы указать, что основной блок сведений поэмы принадлежит IX веку до н.э., т.е. не столь далекому прошлому Гомера². Заслуживает поддержки меткое сопоставление автором способа боя, описанного в «Илиаде», с тактикой более поздних пельтастов (с. 158).

Далее Дж. Лендон рассматривает проблемы греческого военного дела, выделяя какое-нибудь событие, позволяющее ему полнее раскрыть тему. Появление фаланги автор относит примерно к 500 г. до н.э., когда гоплиты перестали использовать метательное оружие (ср. с. 156), а для примера приводит более раннюю битву при Фирее между спартамцами и аргиевцами (ок. 550 г. до н.э.) (с. 39–57). Битвы при Фермопилах и Платеях представляют эпоху сложившейся фаланги (с. 58–77), сражение при Делии (424 г. до н.э.) показано как пример руководства войсками и хитрости, использованной в ходе боевых действий (с. 78–90). Роль пельтастов в военном деле начала IV в. до н.э. рассмотрена на примере битвы при Лехее (390 г. до н.э.), военные построения конницы показывает фессалийская кавалерия Ясона Ферского, а значение военного тренинга спартанцев – битва при Левктрах (371 г. до н.э.) (с. 91–114). Дух агона, выводимый автором из гомеровского эпоса, способствовал поддержанию дисциплины у спартанцев, а в последние десятилетия IV в. до н.э. – распространению у греков военной тренировки (с. 157–158).

Переходя к эллинистической эпохе, автор выделяет роль гомеровского эпоса и героического агонального этоса в македонском военном деле, особенно в руководстве войсками. Из всех сражений Александра Великого Дж. Лендон акцентирует внимание читателя лишь на битве при Иссе, в которой особую роль играли маневры (333 г. до н.э.) (с. 115–139). Военное дело эпохи эллинизма рассмотрено автором лишь на примере хорошо известных битв между Эвменом и Антигоном при Паретакене (317 г. до н.э.) и Габиене (316 г. до н.э.), а остальному времени, изобиловавшему военными событиями, посвящено всего полторы страницы в конце главы (с. 140–155).

¹ См., например: *Lendon J. Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. Oxf., 1997; idem. The Rhetoric of Combat: Greek Theory and Roman Culture in Julius Caesar's Battle Descriptions // Classical Antiquity. 1999. 18. P. 273–329.*

² Андреев Ю.В. Об историзме гомеровского эпоса // ВДИ. 1984. № 4. С. 10.

В сжатом «Заключении» к первой части книги автор еще раз повторяет важнейшие выводы, подчеркивая, что прогресс в военном деле греков в доэллинистическую эпоху протекал очень медленно, его роль была невелика, а значение гомеровского эпоса, наоборот, очень важно. Поэтому о вдохновляющей роли эпоса можно говорить не только для вазописи или скульптуры, но и для военного искусства. Причем на море, по мнению автора, господствовали более или менее современные способы боя, так как в эпосе морские баталии не были представлены и его стереотипы тут не действовали (с. 156–161).

Во второй части книги – «Римляне» – Дж. Лендон сначала дает общий сжатый обзор военной истории: от войн с италиками и Пирром, затем с Карфагеном и эллинистическими монархиями к войнам с парфянами и германцами. Автор находит у римлян явное преимущество в борьбе с италиками до 338 г. до н.э., хотя экспансия шла медленно, а позже произошло быстрое завоевание, базировавшееся на преимуществах в финальных сражениях, хотя в ходе самих кампаний было немало и поражений, которых со временем становилось все же меньше. В период принципата предел завоеваниям поставил географический, а не человеческий фактор. Сами римляне выигрывали из-за благоволения Фортуны не больше, чем другие народы, но победы обеспечивались их дисциплиной и – главное – стойким психологическим фактором (с. 163–171).

В главе «Раннее римское военное дело» рассматривает роль поединков и влияние доблести-*virtus* в римских битвах IV в. до н.э., которые играли несоизмеримо большую роль, нежели в греческом военном деле, а также способ действия манипулярного легиона в III–II вв. до н.э. (с. 172–192). Разбирая битву при Пидне (168 г. до н.э.), автор указывает, что Эмилий Павел, будучи опытным полководцем, казалось бы, нелогично атаковал македонскую фалангу по фронту именно вследствие традиционной римской военной ментальности, инспирируемой духом *virtus*. При этом Дж. Лендон справедливо отмечает, что греческое военное дело как составная часть процесса эллинизации Рима влияло на римское, что выражалось, в частности, в заимствовании вооружения всадников, использовании критских лучников и боевых слонов (с. 193–211). Способ действия римской армии Цезаря показан на примере осады Герговии в 52 г. до н.э., а тактика когортального легиона – на примере битвы при Илерде в 49 г. до н.э. (с. 212–232). О том, как воевала римская армия эпохи Ранней империи, мы можем судить на примере кампании в Иудее в 67–70-х годах (с. 233–260), а о позднеримской армии и ее строе-фаланге – на примере битвы при Аргенторате (357 г.) и персидского похода Юлиана (363 г.) (с. 260–309).

В «Заключении» ко второй части Дж. Лендон рассматривает ход технического прогресса в военном деле римлян, который привел к постепенной замене манипулярного легиона на когортальный, при сосуществовании обоих видов построения в течение полувека, а позднее, в IV в. н.э., – появлению фалангообразного построения, возникшего, как думает автор, под влиянием греческой военной мысли (с. 310–313). В целом, греки и римляне руководствовались прошлым в военном деле: греки – своим богатым эпосом, а римляне – героическими традициями доблести и дисциплины, которые со временем утрачивались римлянами, но становились более важными для эллинов. Подражание играло в античности большую роль не только в литературе, но и в военном деле. В античных армиях существовал культ прошлого, культ соревнования, тренировки и дисциплины, и те армии, в которых это все присутствовало (спартанская, македонская и римская), были лучшими в античном мире (с. 313–315). Отсюда становится ясным странное, на первый взгляд, название книги «Воины и призраки», т.е. воины и прошлое, героический дух призраков предков.

Рассматривая книгу в целом, нужно отметить, что монография, как и любая большая работа, не свободна от недочетов. Нельзя согласиться с утверждением автора, что микенцы не знали верховой езды (с. 15). Судя по терракотам, изображающим всадников, знали³. Не римляне ввели использование пилума (с. 8) – этруски использовали его несколько раньше: судя по археологическим данным, еще в V–IV веках до н.э., что подтверждается и античной традицией (Plin. NH. VII. 201)⁴. Полевая метательная артиллерия стала применяться не в конце IV в. до н.э. (с. 8), а уже в середине этого столетия (Polyaen. II. 38. 2). Кольчуга появилась в период не около 300 г. до н.э. (с. 8), а по крайней мере, на полстолетия раньше, как можно судить по находкам из Дании⁵. Спорным выглядит утверждение автора, следующее за сообщением Плутарха (Pelop. 18. 2) о том, что фиванец Паммен, организовав Священный отряд, руководствовался указанием Нестора в «Илиаде» (II. 362–363) о построении вместе воинов одного племени (с. 159–160) – это было общей военной практикой в различные периоды истории. Однако нужно заметить, что данные мелкие недостатки несколько не умаляют общего положительного впечатления о книге.

³ Hood M.S F. A Mycenaean Cavalryman // BSA. 1953. 48. P. 84–93.

⁴ Schulten A. Pilum // RE. 1950. Bd XX. Hlbd. 40. Sp. 1348–1349.

⁵ Jensen J. The Hjortspring Boat Reconstructed // Antiquity. 1989. 63. 240. P. 533, 535.

Говоря о достоинствах книги, к ним нужно, бесспорно, отнести и ее стиль – скорее публицистический, нежели сухой научный, подчас с элементами детективной истории (как попала в британский священный колодезь шайба от катапульты? – с. 5–7), с постоянными сопоставлениями с современным военным делом, что, впрочем, характерно для нового метода исследования военного дела, так называемого *face of battle*. Стиль позволяет рекомендовать книгу не только специалистам, но и просто всем интересующимся данным сюжетом (с. 317). Однако, несмотря на, казалось бы, научно-популярный жанр работы, ссылки, для удобства читателя помещенные в конце, всесторонне рассматривающие проблематику, придают изданию академическую солидность.

Полезны и иллюстрации, размещенные в тексте книги, которые представляют как оригинально исполненные художником С. Кимом схематичные, но весьма наглядные изображения боевых порядков, так и фотографии достаточно известных произведений античного искусства. Причем можно отметить, что римская часть книги снабжена большим количеством иллюстративного материала.

В целом следует сказать, что Дж. Лендон показал греческое и римское военное дело не только с точки зрения истории развития стратегии и тактики, но и культуры, т.е. саму книгу по существу можно назвать историей военной культуры античности.

А.К. Нефёдкин

© 2009 г.

MAURO AGOSTO. Impiego e definizione di tropi e schemi retorici nell' Expositio psalmorum di Cassiodoro. Montella: Academia Vivarium novum, 2003

В 2003 г. вышла в свет книга профессора Понтификального Латеранского университета Мауро Агосто, название которой («Использование и определение тропов и риторических фигур в *Изъяснении псалмов* Кассиодора») может создать впечатление, что под обложкой читателя ждет узкоспециальный филологический труд, исследующий один вопрос в одном памятнике позднеантичной экзегезы. Что ж, нельзя не согласиться, что именно так дело и обстоит. Этот труд, несомненно, весьма специальный – в том смысле, что призван разобраться в тонкостях формирования и бытования римской риторической терминологии, а также комментаторских приемов. Несомненно и то, что «Изъяснение псалмов», этот богатый и довольно хорошо изученный памятник, рассматривается здесь только в одном аспекте, а именно: с точки зрения того, как в нем определяются и какое находят применение риторические фигуры и тропы. Но если тщательнее вникнуть в суть этой книги (а сделать это поможет читателю обширное введение, о котором мы скажем далее), станет ясно, что, вопреки своей конкретной и узкой тематике, труд М. Агосто должен привлечь внимание всех, кто изучает вопросы истории образования, истории библейской экзегезы, истории филологической мысли и риторики.

Дело, прежде всего, в том, что речь идет о Кассиодоре, одном – и едва ли не наиболее значительном – из тех ученых поздней античности, которые, как принято образно говорить, «упаковывали» достижения античной науки, чтобы передать их Средним векам в виде готовых и удобных схем, пригодных для разнообразного служения христианской доктрине и Церкви. Сущность и историческое значение деятельности таких позднеантичных интеллектуалов определены и продемонстрированы во множестве трудов, зарубежных и отечественных. Но разбираемая нами здесь книга ценна и сильна как раз не общими моделями и оценками (они играют в ней важную, но все же подчиненную роль), а конкретной демонстрацией того, какие именно плоды античной традиции оказались востребованными и в каких реальных формах они продолжали свою жизнь в поздней античности.

А формой их жизни оказывалась часто форма библейской экзегезы. И Кассиодоровы «Изъяснения псалмов» – один из таких памятников экзегезы, в котором античная риторическая теория (а в частности и более всего – учение о тропах и фигурах) стала применяться к толкованию библейского текста сознательно и последовательно. Вот почему это сочинение, наряду с «Институциями», так важно для понимания кассиодоровской программы христианского образования, а значит, для понимания судьбы античного культурного наследия в следующую эпоху.

Справедливо будет отметить, что для отечественной науки (как филологической, так и исторической) «Изъяснение псалмов» Кассиодора остается памятником малоизвестным и даже

(за немногими исключениями) почти не упоминаемым. Это верно по большей части и для остальной латиноязычной экзегетической литературы. Если взять для примера толкования на псалмы, то окажется, что из толкований Илария Пиктавийского не переведено почти ничего, из гомилий на псалмы, приписывавшихся Иерониму, вовсе ничего (как не переведены и Иеронимовы *Commentarioli in psalmos*), переводов «Изъяснений» Амвросия Медиоланского тоже нет, из толкований Августина в русских переводах опубликовано лишь несколько. Что до Кассиодора, то о переводе его «Изъяснений» пока нет и речи, как (тем более) о комментариях Арнобия Младшего или Проспера Аквитанского. Очень мало также русскоязычных исследований об этих памятниках: едва ли их наберется и две дюжины.

Отсутствие переводов и исследований может объясняться, конечно, некоторыми очевидными внутренними причинами. Переводы экзегетических сочинений трудны потому, что в них толкуется специфический латинский текст Библии, особенности которого (как и особенности его толкования) трудно или невозможно воспроизвести по-русски. Исследований же экзегетических сочинений мало потому, что эти сочинения представляются (а часто и бывают) интересными преимущественно как памятники христианской мысли, а значит, находятся в лучшем случае на втором плане для исследователей политической или экономической истории или изящной литературы.

И все же столь богатая латинская экзегетическая традиция не может не заслуживать гораздо более пристального внимания отечественных ученых хотя бы как культурный феномен. В этом смысле толкования Кассиодора и были бы лучшим текстом для знакомства со всей традицией: во-первых, Кассиодор эту традицию как бы суммирует, так как он был хорошо знаком с толкованиями на псалмы своих предшественников и часто опирался на них, во-вторых, как уже говорилось, он широко и последовательно применяет здесь для толкования библейского текста обширный аппарат античной риторической терминологии.

Каков был этот аппарат, как перенял его Кассиодор и как использовал – вот на какие вопросы отвечает книга М. Агосто основной своей частью, которая представляет собой систематическое и скрупулезное рассмотрение каждой фигуры, упоминаемой Кассиодором. Однако начинается книга с обширного введения, которое автор назвал «Часть первая: исторический контекст» (*Parte prima: Inquadramento storico*). С моей точки зрения, такое название несколько не соответствует функции этой части. Перед нами, конечно, именно развернутое введение, которое, в свою очередь, делится на три главы. Из них первая глава «Грамматика и общество в эпоху Кассиодора» носит самый общий характер и рисует широкую картину культуры того времени. Вторая глава «Христианская грамматика» более специальная; она показывает своеобразие подхода к грамматическому искусству у Кассиодора вообще и в «Изъяснениях псалмов» в частности: для него грамматика – искусство, в котором экзегетический и нормативный элемент нераздельны, а библейский комментарий призван быть не только объяснением смысла библейского текста, но и школой словесности (см. особенно с. 39, 47 и сл.). Наконец, третья глава «Источники Кассиодора» перечисляет авторов, известных по именам и анонимных, из сочинений которых Кассиодор черпал свои грамматико-риторические познания, а также указывает, какие именно определения и описания фигур и тропов он перенял из каких источников. Эти источники таковы: Плотий Сацердот, Донат, Августин, Квинтилиан, Руфиниан, сочинение *Schemata dianoeas* (*Anecdoton Parisinum*, известный по двум рукописям и представляющий собой частичный перевод сочинения Цецилия Пері *σχημάτων*), не известная нам непосредственно, но известная Кассиодору редакция Квинтилиана и, предположительно, Сервий, а также неизвестный источник, условно обозначаемый автором буквой «хи».

Вторая и главная часть книги носит название «Таксономия» (*Tassonomia*) и представляет собой анализ более чем сотни риторических явлений и приемов (их определений и применения), распределенных по разделам: тропы, грамматические фигуры, риторические фигуры речи (*per adiectionem*, *per detractonem*, *per ordinem*), фигуры мысли. Не всем тропам и фигурам уделяется одинаково много внимания, но в большинстве случаев можно сказать, что троп или фигура становятся предметом отдельного небольшого исследования.

Чтобы исследовательский метод М. Агосто предстал перед читателем более наглядно, возьмем, например, главу, трактующую метонимию (с. 126 и далее). Метонимия, наряду с гипаллаге, рассматривается в разделе «Тропы», подразделе «Тропы, основанные на замене по смежности». Сначала автор приводит определение метонимии в сопоставлении с определениями античных источников, перечисляемых им в примечании («Риторика к Гереннию», Цицерон, Квинтилиан, Диомед, Сацердот, Донат). Затем цитируются дефиниции, даваемые метонимии Кассиодором. Исследователь подходит к Кассиодоровым определениям метонимии с полной степенью критичности (как и к неточным определениям других терминов, например, «эксаллаге» на с. 152–153). Он указывает, что первое и основное определение метонимии у

Кассиодора подходит к любому тропу, а остальные определения, воспроизводимые по ходу толкования псалмов, описывают лишь один тип метонимии: «вместилище вместо вмещаемого». Впрочем, вид этих определений, а также редко используемое название метонимии *transponatio*, калькированное с греческого, позволяют исследователю указать на источник Кассиодора в данном случае – Доната. Столь же критично рассматривает М. Агосто первый случай привлечения термина «метонимия» для толкования псалма, а именно, когда Кассиодор называет метонимией высказывание Пс 2:4: «Живущий на небесах посмеется им, и Господь поругается им». Сущность метонимии, по словам толкователя, состоит здесь в том, что Богу приписываются человеческие действия (процедура, которую все, конечно же, опознают как метафору). Исследователь справедливо указывает, что и сам Кассиодор в прочих подобных случаях видит не метонимию, а «катахрезу» или «тропологию». Затем М. Агосто рассматривает и подробно анализирует два типа метонимических замен, на которые, кроме приведенного случая, указывает Кассиодор: «вместилище вместо вмещаемого» и «следствие вместо причины». Среди примеров второго типа он с полным основанием подробно останавливается на случаях, когда Кассиодор применяет термин «метонимия» при толковании глаголов со значением «знать» или «не знать», относящихся в Писании к Богу (с. 128–130). Вслед за более ранними толкователями Кассиодор настаивает на том, что подобные глаголы нужно понимать как метонимию типа «каузация признака вместо признака» (то есть, если сказано «Сын не знает», это нужно понимать как «Сын не позволяет знать»). Подобное объяснение было весьма востребованным в патристической экзегезе способом избежания буквального, слишком «антропоморфного» понимания библейских слов, а потому стало традиционным: оно применялось, к примеру, Иларием и Августином, на что М. Агосто весьма кстати указывает¹.

Не удивительно, что столь подробный и нюансированный анализ, опирающийся на знание не только текста Кассиодора, но и его источников в области грамматики, риторики и собственно экзегезы, а также на полную осведомленность в современной исследовательской литературе, делает чтение книги М. Агосто не просто полезным и познавательным, но и увлекательным, а порою даже захватывающим занятием.

В книге нет традиционного для монографий заключения, но это не противоречит ее структуре и не вызывает ощущения незаконченности. Разбор каждой фигуры или тропа – само по себе законченное исследование, полностью реализующее свою цель, а потому на себе замкнутое. Дальнейшие выводы и обобщения в книге именно такого типа и содержания столь же необязательны (и даже неуместны), как в энциклопедии или справочнике. А именно как справочник (по фигурам и тропам у Кассиодора в частности, но до некоторой степени и по античной риторической терминологии в латинской традиции вообще) книга М. Агосто очень удобна.

Удобству ее способствует, конечно, и указатель цитированных мест из классических и христианских авторов и библейских книг. Однако здесь, на мой взгляд, случилось досадное упущение, на которое, впрочем, автор, может быть, пошел сознательно. Среди цитированных трудов Кассиодора не перечисляются цитаты собственно из «Изъяснений псалмов», а среди ссылок на библейские книги отсутствуют ссылки на стихи псалмов. Вероятно, автор счел, что то и другое будет излишним или слишком громоздким в труде, который специально «Изъяснением псалмов» и занят. Но мне кажется – увы! – подтверждает, что, по меньшей мере, второй указатель, указатель мест из Псалтири, этой книге необходим: он значительно увеличил бы полезность данного труда для тех, кто изучает традицию толкования псалмов.

Ко всему сказанному выше можно добавить еще, что рецензируемая книга, изданная, кстати, столь примечательным центром латинской образованности, как академия «Vivarium Novum», стала первой в основанной самим же М. Агосто серии «Biblioteca Filologica CLE». После знакомства с этим первым томом остается только пожелать, чтобы «Biblioteca Filologica CLE» обогащалась в дальнейшем столь же высококачественными и полезными трудами, как труд М. Агосто, в полной мере отвечающими тем принципам «филологии в беккианском смысле слова», которые заявлены как основополагающие для всей серии.

С.А. Степанцов

¹ Наиболее яркие примеры подобных объяснений у Августина перечислил в своем примечании к «Рассуждениям на Евангелие Иоанна» Б. Александерсон (*Alexanderson B. Adnotationes criticae in Augustini «In Iohannis Evangelium tractatus»* // *Electronic Antiquity. Communicating the Classics*. February 1999. Vol. V. № 1 (= <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/ElAnt/V5N1/tractatus.html>). Ad tract. 43.1). Августин, в отличие от Кассиодора, не прибегает к риторической терминологии и, в частности, к термину «метонимия»: в проповеди, предназначенной для широкой аудитории, он предпочитает объяснять фигуры и тропы через аналогичные фигуры и тропы, употребительные в повседневной речи.